

Татьяна Соколова

«Ноев ковчег» Пушкинских торжеств
(к истории пушкинских празднеств в России)

Для истории нашего отечества судьбоносными повелось считать лермонтовские юбилеи и памятные даты — они осмыслялись как роковые: 1914-й (100 лет со дня рождения поэта) — Первая мировая война; 1941-й (100 лет со дня смерти) — Великая Отечественная; 1964-й (150 лет со дня рождения) — государственный переворот, снят Хрущев; 1991-й (150 лет со дня смерти) — ГКЧП, отставка Горбачева. В промежутке, в 1981 г., в Москве открывался долгожданный музей Лермонтова на Малой Молчановке, который чиновники от культуры, обрекшие его создателей на родовые муки отнюдь не только творческого характера, считали «подарком москвичей к XXVI съезду КПСС» — последнему доперестроечному съезду. Через год не стало Брежнева, и зашелестел страницами мартиролог, не сделав исключение и для самой КПСС...

Совсем иное дело Пушкин. Любое приобщение к Пушкину, будь оно частным или общенациональным, всегда считалось событием, несущим положительный заряд. Пушкин — светлый гений, «солнце» русской поэзии. «Пушкин — наше все»...

Между тем, родившись в 1799 г., на исходе века, Пушкин обрек свои юбилеи быть гранями эпох, оттеняющими блеск и нищету их содержания. И эта энергия распространилась на всё разнообразие Пушкинских торжеств в России. Год 1999-й не

© Tatiana Sokolova, 2012

<http://www.utoronto.ca/tsq>

За помощь при подборе иллюстраций для статьи я признательна сотрудникам Государственного Литературного музея А. Ю. Бабосову, Г. Л. Медынцевой, Н. Г. Прохорову, Т. Ю. Соболю, Т. Н. Шиповой.

был исключением, тем более что на него пришелся и рубеж столетий, и рубеж тысячелетий. (В многочисленных комментариях фразы Ельцина «Я ухожу...», прозвучавшей в самом конце 1999 г., в предновогодний полдень, затерялся один аспект: эти слова, предшествовавшие передаче власти, завершили год 200-летия Пушкина. А год нынешний, 2012-й, не то, чтобы юбилейный, но памятный — 175 лет со дня гибели Пушкина, тоже оказывается знаковым не только литературно.)

Пушкинские торжества в России имеют историю протяженностью в полтора века. За это время сформировался единый ритуальный стержень мероприятий, к которому, однако, не сводима типология Пушкинских торжеств. Как-то вроде бы непреднамеренно пушкинские даты провоцируют на исторические проекции и параллели: 100-летие со дня смерти Пушкина более всего ассоциируется в нашей исторической памяти с темой большого террора. Это же справедливо и для 150-летия со дня рождения поэта, пришедшегося на 1949 г. и совпавшего не только с празднованием 70-летия И. Сталина, но и с окончательным разгромом Еврейского антифашистского комитета, началом кампании против космополитов, с мартовской депортацией жителей Латвии, Литвы и Эстонии в Сибирь. Вот поэтому, когда в 1997 г. предстоящий тогда юбилей поэта был взят под президентский патронат, невольно подумалось, что «солярные» божества — это божества не только плодородия, но и разрушения, а язычники разных стран поддерживали связь с солнцем через очистительную силу огня, стихии тоже разрушительной.

Между тем все началось с издания сочинений Пушкина, предпринятого П. В. Анненковым (1813—1887). При описании этого проекта слово «первый» является ключевым: *первым* памятником Пушкину стало *первое* научное издание его сочинений, *первый* том которого — «Материалы для биографии Пушкина» — вышел в конце января 1855 г. «Биография Пушкина производит самое отрадное впечатление, — писал И. С. Тургенев, — и отовсюду слышатся самые лестные отзывы труду Ан-

ненкова. Мы в благодарность ему намерены дать обед в четверг — надеюсь мое здоровье позволит мне на нем присутствовать»¹. Несмотря на морозы и грипп, свирепствовавшие тогда в Петербурге, обед состоялся. Поговаривали, что у этого обеда была своя предыстория, что-то вроде пари, заключенного в самом начале предприятия, то есть еще в 1851 г., когда брат Анненкова Иван Васильевич купил у наследников Пушкина право на издание его сочинений, перехватив проект у Некрасова. «Ужин у Дюссо» «с трюфелями и большим количеством шампанского» потребовали у Анненкова друзья, узнав о приобретении. Осторожный Анненков пообещал обед, но только когда издание будет осуществлено.

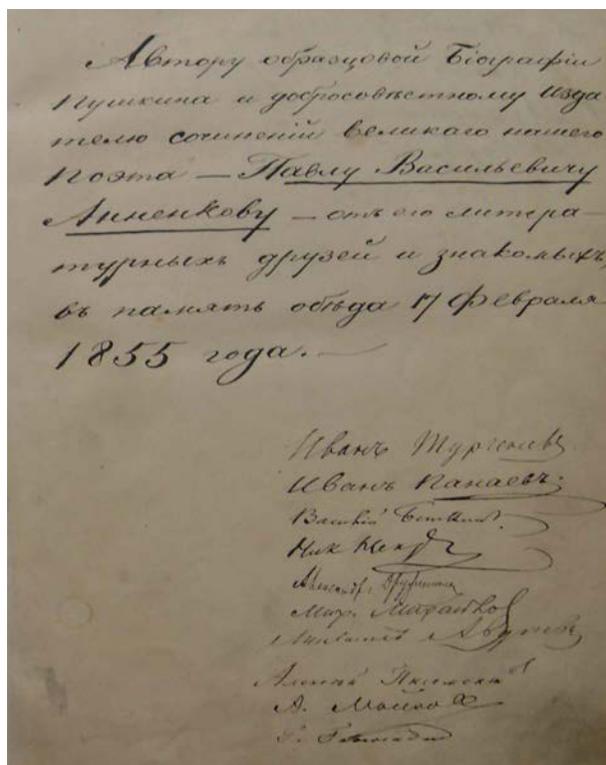
После выхода первого тома торжество — «презентация», свидетельствовавшая об успешности предприятия, — состоялось. Причин для этого было достаточно. Во-первых, имя издателя теперь стояло на *каждом* экземпляре *каждого* тома рядом с именем Пушкина, что было, безусловно, великой честью. Так считали современники Анненкова². Во-вторых, в нашей культуре возник *первый* опыт *литературной* биографии Пушкина, то есть истолкование его жизни и творчества в их единстве и взаимосвязи. В-третьих, издание обещало коммерческий успех: право на издание Анненков получил на выгодных условиях — 5000 рублей серебром, да еще в рассрочку. Чтобы изданиекупилось достаточно был тираж в 2500 экземпляров. Издание вышло тиражом в 5000 экземпляров. Том стоил 12 рублей серебром без пересылки или 15 рублей с пересылкой³. На обеде присутствовали сливки литературной элиты — И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Ап. Н. Майков, И. И. Панаев, В. П. Боткин... Наверняка, «лилось шампанское рекою», столы не чувствовали дефицита яств — цвет русской литературы имел вкус не только к слову, а Дюссо славился своей кухней.

¹ Тургенев И. С. ПСС-2. Письма: В 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 16.

² Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1972. С. 213—215.

³ Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л.: Прибой, 1929. С. 389.

Материальным свидетельством этого события стала надпись участников обеда на первом томе анненковского издания Пушкина («Материалы для биографии Пушкина»): «Автору образцовой Биографии Пушкина и добросовестному Издателю сочинений великого нашего Поэта — Павлу Васильевичу Анненкову от его литературных друзей и знакомых, в память обеда 17 февраля 1855 года. Иван Тургенев. Иван Панаев. Василий Боткин. Ник. Некрасов. Александр Дружинин. Мих. Михайлов. Михаил Авдеев. Алексей Писемский. А. Майков. Г. Геннади. В. Гаевский. Е. Корин. М. Языков...». Всего 18 подписей. Эта книга хранилась в библиотеке П. В. Анненкова, теперь находится в книжном собрании Государственного Литературного музея (ГЛМ, Москва).

Надпись участников обеда в ресторане «Дюссо» на первом томе собрания сочинений А. С. Пушкина. СПб., 1855. ГЛМ

Совсем неумышленно событие это совпало с другим, придающим ему особый драматизм: в то же самое время доживал свои последние часы Николай I — ночь с 17 на 18 февраля 1855 г. была последней в жизни императора.

Власть перешла в руки Александра II — воспитанника Жуковского, «побежденного учителя» Пушкина. В этом совпадении торжественного обеда с кончиной императора заложено одно из свойств Пушкинских торжеств. Вероятно, оно восходит к прижизненным отношениям поэта с властью вообще и, возможно, к истории отношений Пушкина и Николая I в частности. Эта история антиподов имеет архетипический характер. В ней был эпизод, известный как попытка сотрудничества — во имя просвещения власти, разумеется. Конвенция не имела успеха, власть эту попытку истолковала по-своему... Но именно этот эпизод получил бесконечное число продолжений и подражаний в истории: государственный интерес к Пушкинскому просыпается в ситуациях общественного кризиса, и имя поэта будет многократно использоваться, чтобы под пушкинские знамена рекрутировать союзников из числа наиболее авторитетных оппонентов власти.

Император Николай I в бозе почивший... 18 февраля 1855 г.

С высочайшего соизволения рисовал В. Тимм.

Русский художественный листок. 1855. № 12. Тоновая литография. ГЛМ

Однако вернемся в зиму 1855 г.

На следующий день после литературного обеда у Дюссо началось новое царствование. Оно оказалось обрамлено двумя важнейшими для структурирования Пушкинских торжеств событиями — изданием Анненкова и открытием *первого* памятника поэту в Москве, и это были *первые* в нашей истории общественно значимые события, сформировавшие модель традиционных Пушкинских торжеств.

Пафосом нового царствования стало совершенствование внутреннего устройства России. Программу царствования содержал Манифест 19 марта 1856 г., возвещавший о прекращении трехлетней войны, скорбно завершившейся падением Малахова кургана. Впереди была новая эпоха, значение которой известно со школьной скамьи. Параллелизм событий эпохи реформ середины позапрошлого века эпохе нынешней лишь подчеркивает традиционные болевые точки нашей страны: амнистия декабристов — возвращение инакомыслящих; идеологическое значение Манифеста 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права, ставшего принципиальным шагом в деле обновления России, сопоставимо с отменой знаменитой 6-й статьи брежневской Конституции СССР 1977 г. Перечень других преобразований вполне может быть озвучен голосом любого ведущего нынешних информационно-аналитических программ:

- земельная реформа;
- судебная реформа;
- военная реформа;
- учреждение порядка составления, рассмотрения, утверждения и исполнения государственного бюджета;
- реформа городской и земской полиции;
- введение Земских учреждений и городского общественного управления на всесословной основе;
- реформа образования.

В сфере геополитической акценты интересов России тогдашней и нынешней также похожи, но решения XIX века

можно считать образцовыми: покорение Кавказа было окончено в 1864 г. пленением Шамиля; право иметь флот на Черном море Россия возвратила себе в 1871 г.; в 1878 г. славяне Балканского полуострова получили свободу от многовекового турецкого ига, а турецкий султан запросил о мире. За 25 лет царствования (эта дата отмечалась 19 февраля 1880 г., за несколько месяцев до открытия памятника Пушкину) царю-освободителю было что предъявить истории. Однако усилия главы государства и его чиновников устраивали далеко не все общество, уставшее от ожидания перемен и неудовлетворенное тем, как проводились реформы. Настроения те вполне «рифмуются» с последними годами Перестройки: «процесс пошел», с жадностью пожрав самого реформатора.

При Александре II радикальная оппозиция наводнила страну террором — выстрелы и взрывы гремели по всей России: Каракозов, Березовский, Вера Засулич... Граф Лорис-Меликов получил чрезвычайные полномочия, в результате чего крамола затаилась, но пафос царствования (либеральные реформы и объединение славян) оказался под угрозой. Непопулярность чрезвычайных мер нуждалась в уравнивании либеральными уступками. Правительство искало поддержки общественности. Необходима была объединяющая идея, не раздражающая ни одну из частей расколотого общества; событие, знаменующее новую эру общественной жизни. И тогда «абсолютной высотой», «белым днем» для страждущего общества был избран Пушкин, указавший путь «всей вообще русской мысли, во всех ее разнообразных проявлениях, в слове и в жизни»⁴.

Легенда об общенациональном значении пушкинского творчества отозвалась в некоторых головах мыслью об объединяющей силе пушкинской темы вообще. Справедливости ради заметим, что в 1855 г. на этой основе было возможно единение противоборствующих направлений, ведь этими направлениями были *тогдашние* западники и славянофилы, *тогдашние* пушкинское и гоголевское направления эстетической мысли.

⁴ Аксаков И. С. Речь о А. С. Пушкине // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 268, 269, 279.

тянин» (1855. № 21—22)⁵. На пушкинском томе расписались не 18, как на анненковском, а 91 человек. Реликвия эта тоже теперь хранится в книжном собрании Государственного Литературного музея.

Однако когда в наши дни речь заходит о Пушкине как светоче общенациональной идеи, невольно вспоминается апокрифическая история о Довлатове, которую рассказывали старики музея в Михайловском. Сергей Довлатов, работавший там одно время экскурсоводом, поспорил однажды на две бутылки водки («пол-литры»), что проведет экскурсию по поэтической Мекке, не проронив ни единой пушкинской строки, а, напротив, читая исключительно Есенина. И никто из паломников этого не заметит. Довлатов выиграл пари у самого С. С. Гейченко.

В 1880 г. состоялись *первые* Пушкинские торжества общенационального масштаба. Поводом было открытие памятника Пушкину в Москве, на его малой родине, — *впервые* поэту, а не царю. (Следует отметить, что в Архангельске к тому времени уже стоял памятник Ломоносову работы И. Мартоса, но он открывался — к слову, 25 июня 1832 г., в день рождения Николая I — как памятник ученому. Кроме того, в Летнем саду Петербурга памятником барона П. К. фон Клодта был в 1855 г. увековечен Крылов. Это событие, хотя и было резонансным, все же не носило общенационального масштаба да и проходило по другому мифологическому ведомству: популярность «дедушки» Крылова была не столько поэтической, сколько дидактической.) Массовые издания Пушкина, выпущенные к торжествам 1880 г. по цене 20 копеек за книжку, признавали в Пушкине силу, «которая <...> ратовала за народ и <...> умела ясно и безошибочно высказать то, что было необходимо для его благосостояния»⁶. Празднество было задумано как demonstra-

⁵ Цит. по кн.: Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1984. С. 59.

⁶ *Велицкий Ипп.* А. С. Пушкин как народный поэт и краткий очерк его жизни и деятельности // Пушкин А. С. / сост. Велицкий Ипп. М., 1880. С. 15.

ция единения сил русской интеллигенции и приурочивалось ко дню рождения поэта — 26 мая (6 июня) 1880 г. Однако 22 мая скончалась императрица Мария Александровна, поддерживавшая прогрессивные начинания царствования. Торжества были отложены и состоялись 6 июня, в день рождения поэта по новому стилю, что и закрепилось впоследствии.

Программа была обширна: литургия, открытие памятника, публичное торжественное заседание Общества любителей российской словесности в зале Благородного собрания, концерты, банкеты, выставки... География торжеств подчеркивала их общенациональный масштаб: Петербург, Одесса, Харьков, Казань, Варшава, Киев, Тула, Самара, Псков, Кишинев, Орел, Тифлис тоже праздновали открытие памятника в Москве. «Благородный медный лик, воздвигнутый в самом сердце древней столицы» стал призывом к объединению общества, напоминанием о праве «называться великим народом потому, что среди этого народа родился, в ряду других великих, и *такой человек*» (И. С. Тургенев)⁷. «Ноев ковчег» Пушкинских торжеств 1880 г. вместил западника Тургенева, панслависта Ивана Аксакова, почвенника Достоевского, ортодокса Каткова.

Традиция эта — политическая и географическая — позже была многократно преумножена: когда русская эмиграция в 1934 г., накануне Пушкинских торжеств 1937 г., призвала интеллектуальные силы объединиться вокруг имени Пушкина как символа русской культуры, результат получился ошеломляющим. «К началу торжеств численность местных Пушкинских комитетов достигла ста шестидесяти шести. Празднества прошли в двухстах тридцати одном городе сорока двух государств во всех пяти частях света. Три четверти их было, понятно, в Европе: сто семьдесят городов, двадцать четыре страны. Далее — по убывающей: Америка — двадцать восемь городов (шесть государств), Азия — четырнадцать (восемь), Африка — пять (три), Австралия — четыре города...»⁸.

⁷ Тургенев И. С. ПСС-2. Сочинения: В 12 т. Т. 12. М.: Наука, 1986. С. 349.

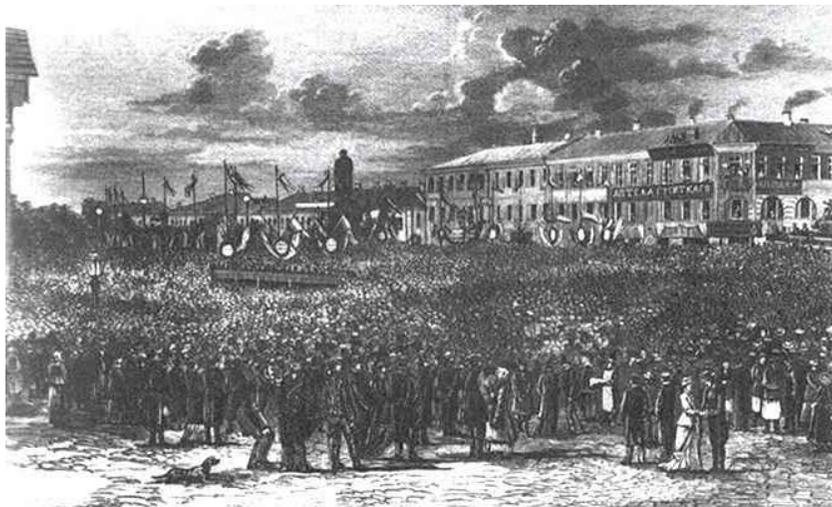
Пушкинские дни в Москве 1880 г. были торжественными и эмоциональными. Они начались 5 июня в большой зале Думы, где состоялось торжественное собрание. «Зала Думы была роскошно декорирована тропическими растениями. У подножия пьедестала огромного алибастрового бюста поэта, за большим зеленым столом поместились Его Императорское Высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский, Московский генерал-губернатор, председатель Высочайше учрежденного комитета для сооружения памятника Пушкину статс-секретарь Корнилов и академик Грот. На правой стороне от стола, в первом ряду кресел, сидело семейство покойного поэта: его дочери, сыновья и др. родственники; на левой стороне — представители города, администрации, Думы и разных др. учреждений. Представление депутатий, которых было около 100, началось почти в три часа: депутаты подходили к Его Высочеству и говорили речи или же вручали адреса <...> Вся Россия явилась в лице своих выборных почтить память Пушкина. По окончании представлений депутатий академик Грот прочел приветственные телеграммы и письма и сообщил историю устройства памятника»⁹. В тот же день в залах Благородного собрания открылась выставка, где были представлены автографы, портреты и издания поэта, его личные вещи.

На следующий день, 6 июня, в 11 часов в Страстном монастыре служили литургию. На площади, украшенной гирляндами из зелени, щитами с названиями произведений Пушкина, в это время собирался народ; 50 сажен от Страстного монастыря к памятнику заполнили депутаты от различных учреждений и обществ с венками. Флаги с названиями этих учреждений и обществ развивались над площадью. Была предусмотрена и эстрада, покрытая красным сукном, на которой

⁸ *Перельмутер В. Г.* «Нам целый мир чужбина». Три взгляда на пушкинские торжества 1937 года в русском зарубежье // Перельмутер В. Г. Пушкинское эхо. Записки. Заметки. Эссе. М.; Торонто: Минувшее; Library of Toronto Slavic Quarterly, 2003. С. 206—207; подробнее см.: Там же. С. 202—239.

⁹ Торжество открытия памятника А. С. Пушкину в Москве 6 июня 1880 г. С биографией А. С. Пушкина. М., 1880. С. 23—24.

должна была произойти передача памятника от Комитета по его устройству городскому управлению (эстрада располагалась правее от памятника, перед церковью Дмитрия Солунского). Перед окончанием богослужения оркестр и хор под руководством Н. Г. Рубинштейна огласили площадь гимном «Коль славен» и на эстраду вошли принц Ольденбургский, генерал-губернатор Москвы, другие гости. День был пасмурным. После слов статс-секретаря комитета Ф. П. Корнилова: «Да здравствует на многия лета Государь император, верховный Ценитель заслуг русских людей! Да процветает и благоденствует Святая Русь и да множатся русские люди, составляющие славу и гордость своего отечества!» — упала парусиновая пелена с памятника. Звон колоколов известил о том, что открытие состоялось. Народный гимн, цветы, венки. Знамена с той площади и ленты с тех венков и букетов, сувениры вроде запонок с портретом Пушкина до сих пор хранятся во всех хранениях всех музеев Москвы, и не только Москвы.

Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве 6 июня 1880 г.
Неизвестный художник (на основе зарисовок церемонии очевидцами)
Литография. ГЛМ

После открытия памятника, в два часа дня, состоялся торжественный акт в Большой зале Московского университета.

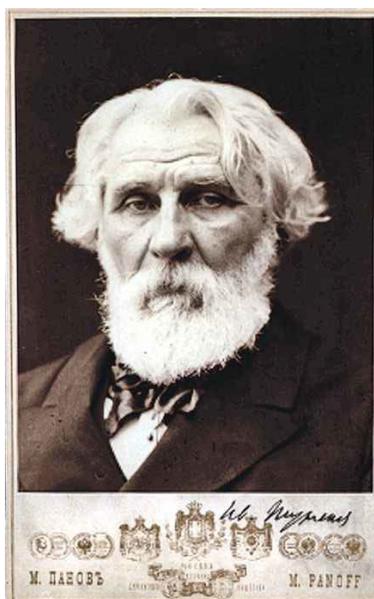
Оставшиеся дни торжеств были заняты преимущественно торжественными и научными заседаниями, обедами, литературно-музыкальными и драматическими вечерами.

Второй и третий дни торжеств были ознаменованы речами Тургенева и Достоевского, вызвавшими наиболее горячий и восторженный энтузиазм публики. Вообще надо заметить, что именно Тургенев и Достоевский (ключевые фигуры двух ведущих художественных тенденций и взглядов на развитие общества) оказались в те дни в центре внимания общественности. Достоинства их речей были одинаково признаны и западниками, и славянофилами, обе речи были сочтены событиями, окончательно примирившими два направления и решившими вопрос о народности Пушкина. Но так казалось лишь в 1880 г.

Ф. М. Достоевский
Фотография М. Панова.
9 июня 1880. Москва

Из фонда А. Г. Достоевской. ГЛМ

И. С. Тургенев
Фотография М. Панова. 1880. Москва
С автографом И. С. Тургенва. ГЛМ

Торжества завершились 8 июня. Во время концерта произведения Пушкина исполняли писатели: Достоевский читал

сцены из «Бориса Годунова» и «Пророка», Островский — сцены из «Русалки», Тургенев — «Опять на родине» и «Последнюю тучу рассеянной бури», Григорович — «Кирджали», Анненков — «Анчара»... Слушатели награждали лучших исполнителей. И снова в центре внимания были два антипода — Достоевский и Тургенев. Их восторженно принимала публика, одаривая аплодисментами и венчая цветами, которые они переадресовывали своему великому предшественнику и герою торжеств. Тургенев надел свой венок на голову бюста Пушкина. Наиболее памятным событием этого дня оказалось чтение Достоевским стихотворения «Пророк». Достоевский читал строки Пушкина резко и страстно, произнося их не как актер или профессиональный чтец, а как писатель, всем своим существом и опытом проникший в их смысл.

Кантатой «Я памятник себе воздвиг» Пушкинские торжества 1880 г. в Москве завершились.

Тем бы и запомнились, если бы не 1 марта 1881 г., наступившее менее через год и ставшее началом эры обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, опиравшего все стороны жизни на основы православия. (Именно этот перекосяк и позволил ему, демонстрируя силу и власть, отлучить от церкви в задыхающейся от реакции стране Льва Толстого.)

Незадолго до гибели Александра II, так и не успевшего дать России конституцию, не станет Достоевского. Тургенев переживет их обоих, но не на много.

Драматический накал страстей вокруг Пушкинских торжеств 1880 г. постепенно забудется. Памятник Пушкину станет одной из достопримечательностей Москвы, ее топографическим ориентиром. Здесь назначают встречи, начинаются свидания, проводят митинги, кормят голубей, торгуют книгами, сюда приезжают новобрачные... «На фоне Пушкина снимается семейство. / Фотограф щелкает и птичка вылетает.» (Б. Окуджава). В юбилейные дни сюда приносят цветы. Много, очень много цветов. И кто знает, как спасительная мысль Тургенева о нашем праве называться великим народом комбини-

руется с размышлениями о рукотворно склоненной голове поэта и ее нерукотворной непокорности. Не в столкновении ли этих размышлений высвобождается энергия, рождающая формулу «Ужо тебе!..» — формулу протеста смятой государством личности против глухоты бездушного исполина?

А. М. Опекушин. Эскиз памятника А. С. Пушкину в Москве
Бумага, тушь, перо, карандаш, сепия. ГЛМ

MILESTONES

From the Editors

Редакция *Toronto Slavic Quarterly* и
Кафедра славистики Торонтского университета
поздравляют коллегу
Мирона Семеновича Петровского

с юбилеем!